

Секция 3

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(4) «1939/45»

К ВОПРОСУ О РОЛИ CASUS BELLI В ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бирюков Алексей Михайлович

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Государственного социально-гуманитарного университета
(г. Коломна, Российская Федерация)

Одним из важных аспектов начала войн, которыми столь богата история XX в., является casus belli – повод (а иногда предлог) к войне. Обычно разница между поводом и предлогом определяется просто и чётко: повод – реальное событие, использованное страной-агрессором для оправдания своего нападения на страну-жертву, а вот предлогом следует считать искусственно созданное, спровоцированное агрессором происшествие, главной задачей которого и является оправдание нападения. Соответственно, casus belli мог иметь как естественный, так и искусственный характер (так, власти США при развязывании «грязной войны» во Вьетнаме в августе 1964 г. смогли «добиться» обоих вариантов).

И до, и после Второй мировой войны проблема характера casus belli не раз ставилась во главе угла вопроса о начале войны. Так, хорошо известна история с убийством Франца-Фердинанда, при том что сербские националисты, подготовившие покушение, не ставили своей целью развязывание Первой мировой войны. Другое дело, что в условиях длительного противостояния двух военно-политических блоков пушки в какой-то момент должны были начать стрелять сами. Иной представляется ситуация с гибелью «Лузитании», из-за чего США едва не вступили в Первую мировую войну ещё в 1915 г. Помимо серьёзных причин в пользу сохранения статуса США как невоюющей державы президент В. Вильсон не мог не учитывать того, что на борту корабля – помимо пассажиров – действительно находилось значительное количество военной контрабанды, и это в значительной степени смягчало вину немецких подводников. Зато два года спустя тот же Вильсон посчитал, что имеет все законные права объявить тому же Второму рейху войну в ответ на начало немцами неограниченной подводной войны.

В межвоенный период агрессивные политики продолжили активно провоцировать конфликты, уже не задумываясь о правдоподобии casus belli. Так, в 1923 году итальянские фашисты оккупировали остров Корфу в ответ на якобы убийство греками итальянского генерала при том, что каких-либо доказательств инцидента с Италией предъявлено не было. Как результат – вынужденный вывод итальянских войск с греческого острова [1, с. 123]. В 1937 г. военные власти Токио обвинили китайскую сторону в похищении японского солдата, что стало предлогом начала боевых действий. Нацисты в это же время отработывали свою систему провоцирования конфликтов – так, спровоцированного действиями Берлина покушения польского еврея на немецкого дипломата в Париже оказалось достаточно, что бы начать по всей Германии еврейские погромы («Хрустальная ночь»). Трагической «классикой» стали действия немецких спецслужб на польской границе 31 августа 1939 г. («гляйвицкий инцидент»), причём показательная реакция видного деятеля гитлеровских спецслужб на это «мероприятие» – «это чистое безумие. Нельзя делать мировую историю при помощи трюков такого рода» [8, с. 60].

В СССР, как стране прифронтовой, находящейся во враждебном окружении, в рамках подготовки к неизбежной войне отработывались свои методы защиты государственных интере-

сов, причём не столько в оборонительном, сколько в наступательном ключе – «малой кровью и на чужой территории». В то же время советское государство, позиционирующее себя как самое прогрессивное и передовое, не могло прямо использовать методы буржуазных или фашистских государств, хотя военная логика не могла не диктовать сходных решений. В 1991 г. в журнале «Родина» был приведен анализ причин советско-японского конфликта 1938 г. («хасанский конфликт»), причём едва ли не впервые была предпринята попытка обратиться к давним доводам «комиссии Блюхера», подтвердившей нарушение границы именно советскими пограничниками (ради улучшения обзора с вершины сопки Заозёрной за территорией более чем вероятного противника) [2]. Не менее сложно обстоит дело и с «майнильским инцидентом» – советское правительство, определив свою позицию по факту обстрела советских войск с финской стороны, затем упорно игнорировало дискуссию по данному вопросу, и в результате едва ли не общим местом стала точка зрения о том, что имела место провокация сталинских спецслужб. Однако имеются и иные подходы к данной проблеме, в рамках которых на основе серьёзного анализа предлагаются иные трактовки данного инцидента [7].

Отдельного изучения требуют события, произошедшие после нападения гитлеровской Германии на СССР. Так, исключительно на советскую сторону возлагается вина за бомбардировку финляндских аэродромов (25 июня 1941 г., ответ на их использование немецкой авиацией) и венгерского города Кашша (Кошице) (26 июня 1941 г., тут, возможно, была допущена ошибка – целью мог быть соседний словацкий город Прешов (Словакия уже объявила войну СССР). В обоих случаях именно СССР получил объявления войны, и в условиях начавшейся немецкой агрессии эти casus belli нельзя считать выгодными для Москвы.

Как известно, немецкое руководство в последние месяцы перед нападением целенаправленно проводило политику умиротворения об имеющихся трениях в двусторонних отношениях, и это оказалось сильным рычагом влияния на Политбюро, СНК и лично Сталина. Упорное нежелание немцев предъявлять какие-либо требования к Москве заставляло Сталина с недоверием относиться к данным своей разведки, и когда вал информации было уже сложно игнорировать, советский вождь сам предпочёл спровоцировать рейх – мерами политико-дипломатического характера. Так, известное «Заявление ТАСС» от 13 июня 1941 г. было в известном смысле «реакцией Манту» на готовность Германии к войне с СССР, и отсутствие немецкого ответа, очевидно, только усилило колебания Сталина. Следует признать, что умалчивание по данному вопросу было исключительно удачным ходом военно-политического руководства Третьего рейха – заверения Берлина в том, что у Германии нет никаких претензий к СССР (в духе советского «заявления») несомненно, разбудили бы подозрения советского вождя. Угрюмое и непонятное молчание Берлина в условиях массированного поступления в СССР информации и дезинформации о реальных и мнимых планах Германии не позволило в данной ситуации выявить истинные цели нацистского руководства даже «величайшему гению всех времен и народов», не раз демонстрировавшему тонкий анализ и глубокое понимание сложных военно-политических проблем, что подчеркивал, например, У. Черчилль [6, с. 296].

Немцы не стали использовать и факты исчезновения ряда своих солдат, как, например, известного Альфреда Лискова, перешедшего на советскую сторону вечером 21 июня 1941 г. Интересно отметить, что советская сторона в мае-июне 1940 г., готовя советизацию Прибалтики, достаточно громко поднимала вопрос об исчезновении советских военнослужащих в Литве (ситуация, аналогичная действиям японцев в Китае в 1937 году).

Советское военно-политическое руководство ждало со стороны «немецких генералов» (именно они, по Сталину, и хотели втянуть Гитлера в войну с СССР) провокаций самого разного типа, и отсюда вытекало настоятельное требование к бойцам РККА в приграничной зоне весной и в начале лета 1941 г. «не поддаваться на провокации». В этом советское руководство явно опиралось как на опыт начала как германо-польской войны 1939 г., так и советско-финляндского конфликта («зимней войны»). Дошло до того, что «Красная капелла» транслировала из Берлина обратно в СССР советское видение возможного начала германо-советской войны – «Германия предъявит СССР определённые требования, то есть совершит нападение лишь в случае отклонения их» [5, с. 394].

Как известно, официальная позиция Москвы была сформулирована в день нападения Германии – «внезапно, без объявления войны». Следовательно, не было ни предлога (гипотетического нападения «красноармейцев» на немецкий штаб (вариант глянцевитого инцидента) или бомбардировки немецких войск «краснозвёздными самолетами»), ни повода, явного и очевидного всем. Претензии, накопившиеся у Третьего рейха к Советскому государству, были доведены до Кремля уже после нападения, и как бы серьёзно они не выглядели с позиции Берлина, их запоздалое вручение было явным нарушением международных дипломатических правил и традиций. Это позволило Молотову заявить о том, что *casus belli* не было, как и объявления войны (помимо собственно «Ноты германского МИДа» об объявлении войны нарком НКВД были представлены «Доклад министерства иностранных дел о пропаганде и политической агитации советского правительства», «Доклад верховного командования Вермахта правительству Рейха о сосредоточении советских войск против Германии» и «Доклад рейхсминистра внутренних дел и рейхсфюрера СС и начальника германской полиции правительству Рейха о направленной против Германии и национал-социализма подрывной работе СССР»). Как ни удивительно, в «Ноте» (после всех громких обвинений в адрес Москвы) было сказано, что рейх начинает войну против СССР потому, что «большевистская Москва намеревается нанести удар в спину национал-социалистической Германии» [4]. И так, – по Берлину – не нужен никакой *casus belli*, если достаточно выявленного «намерения» потенциального противника и своего собственного желания в эти «намерения» поверить. Когда А. Некрич в первом издании своей книги «1941, 22 июня» (в 1965 г. утверждал об отсутствии внезапности немецкого нападения, он имел в виду странное нежелание лично советского вождя видеть агрессора в нацистском лидере и его коричневой империи при том, что всему остальному населению СССР неминуемость германского нападения была совершенно очевидна [3, с. 250].

И если в отношениях двусторонних становится понятна ненужность поиска повода/предлога к войне, когда налицо кардинальные политико-идеологические расхождения противников, то всё же остаётся неясной позиция германского руководства по вопросу о международной реакции на нападение на СССР. Почему нападение на Польшу Гитлер постарался хоть как-то обосновать созданием *casus belli*, а нападение на СССР этого уже не потребовало? Думается, дело в том, что в 1941 г. и так было понятно, что общественное мнение ведущих стран мира уже поляризовалось, нейтралов почти не осталось и «ломать комедию» для обоснования агрессии Гитлеру не было необходимости – ни для союзников, ни для противников. Как написал классик, «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Если между государствами нет глубинных противоречий, прямо толкающих их на путь «выяснения отношений» путём применения силовых акций в отношении друг друга, то даже достаточно серьёзные столкновения в экономической, политической, дипломатической, пограничной сферах не приведут к возникновению полноценного военного конфликта. И напротив – мельчайший повод будет использован для немедленного разжигания «образа врага» в лице соседа тогда, когда разногласия давно переросли рамки добрососедских или даже умеренно-напряжённых отношений. Особенно откровенно переход от «худого мира» к «доброй войне» происходил через осуществление откровенно провокационных действий одного государства в отношении другого в рамках поиска и реализации предлога к нападению (искусственно созданного *casus belli*). В случае с нападением Германии на СССР следует признать, что глубинные

противоречия между ними (несмотря на период тактического сближения 1939–1941 гг.) были настолько велики, что во многом предопределили неожиданную, но эффективную (для агрессора) форму нападения, не нуждавшуюся ни в дипломатических реверансах, ни в создании *casus belli*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинский, М. Жизнь и смерть Бенито Муссолини / М. Ильинский. – М.: Вече, 2000.
2. Катунцев, В. Инцидент / В. Катунцев, И. Коц // Родина. – 1991. – № 6–7 (сдв.).
3. Некрич, А. М. 1941, 22 июня. / А. М. Некрич. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – С. 250.
4. Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 года. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php. – Дата доступа: 02.09.2015 г.
5. Сиполс, В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941 / В. Сиполс. – М.: ТОО «Новина», 1997. – 394 с.
6. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 296 с.
7. Филиппов Константин. Майнила. В дебрях лжи. – Режим доступа: <http://rkka.ru/analys/mainila/mainila2.htm>. – Дата доступа: 15.10.2016 г.
8. Шелленберг, В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / В. Шелленберг. – М.: Дом Бируни, 1991. – 60 с.